

По субботам возле северного вестибюля станции Павелецкая собирались бездомные. На просторную площадку между тяжёлыми стеклянными дверями метро и киосками с выпечкой и шаурмой каждую минуту волнами выплёскивались новые люди, смешивались, опять растекались, и только грязные фигуры, как бельма в глазу, маячили на своих местах. Особенно много их становилось здесь ближе к полудню. Некоторые сидели на корточках у стен и, закрыв глаза, покачивались, как птицы на жёрдочке; некоторые сбивались в проём в дальнем углу вестибюля, где лежали в ряд деревянные ящики из-под фруктов, на которых можно было устроиться, как на нарах. Одиноким полицейский обычно деловито прохаживался перед входом в метро, с брезгливым равнодушием поглядывая на них, а потом опять отходил внутрь здания, к турникетам.

Наконец, часам к двум дня со стороны Павелецкого вокзала появлялась группа парней и девушек с большими хозяйственными сумками. Они останавливались у свободного места у стены, чуть поодаль от стеклянных дверей, и, сиротливо оглядываясь, будто сами были бездомными или музыкантами в электричках, принимались раскладывать — один доставал термос

и стаканчики; другой открывал пакет с хлебом; третий готовил пластиковые тарелки и ложки для супа. Постепенно вокруг них начинали собираться бездомные. Самые пронырливые набегали первыми, обжигаясь, хватали тарелку и, отскочив подальше, принимались торопливо втягивать в рот горячий бульон. Потом подходили мужики в одинаковых рабочих куртках, отличающиеся друг от друга лишь цветом шапок-пидорок, — эти брали свою порцию спокойно и с достоинством. Женщины с пропитыми лицами, похожими на перезрелые сливы, забирали по несколько пакетиков с курицей и гречкой, ловко рассовывая их по карманам и попутно интересуясь, что сегодня ещё принесли из еды и одежды. А те, кто был сильнее потрепан жизнью, люди без пола и возраста, с заплывшими глазами и гноящимися порезами на толстых негнущихся пальцах, неловко хватали посуду дрожащими руками и, усаживаясь прямо на асфальт, принимались есть, загораживая проход другим.

Это место кормления было ещё не так известно — со всей Москвы стекались на Кожевническую улицу или на Курский, а сюда захаживали в основном бывалые. Они уже знали эту жизнь: еда на таких вот пунктах, иногда мытьё на дезстанциях, а если повезёт — погреться в автобусах-накопителях у вокзалов. Они не хотели вернуться к нормальному существованию, не просили купить билет домой, восстановить паспорт; они лучше любого волонтера разбирались, когда и куда идти. И только мужик с разбитым костылём и замотанной синими больничными бахилами ступнёй каждый раз назойливо расспрашивал, можно ли ему оформить пенсию, и обещал прийти сюда через неделю с какими-то документами, но в следующий раз опять приходил без них и принимался расспрашивать о том же самом.

Обычно бездомные расходились быстро, едва получив своё, но сегодня не спешили, маячили рядом, наслаждаясь долгожданным состоянием сытости и млея на мягком мартовском солнце. На улице стало гораздо теплее, чем ещё несколько дней назад, и отчётливо ощущалось, что изматывающая зима отступила окончательно, а впереди — новое лето, и даже самые забытые и перемёрзшие из пришедших как-то беззаботно распахивали замызганные грязью куртки. Принимались заводить обычные разговоры: жаловаться на жизнь или с обречённой настойчивостью выпрашивать денег.

Волонтеры с готовностью вступали в разговор: координатор их группы особенно настаивала на личном дружеском общении, чтобы не только накормить, а ещё и дать почувствовать бездомным, что они тоже люди, что и их кто-то любит. Впрочем, не у всех волонтеров это получалось. Так, молодой краснощёкий парень в очках по имени Юра, усердно работавший на раздаче, смотрел вокруг одинаково тёплым невидящим взглядом, стараясь всем улыбаться, но ни с кем не заговаривал надолго, каждый раз торопясь отвлечься: найти ещё ложек или закрыть термос, чтобы чай не остыл. А Мила, маленькая девушка в лёгком бедном пальтишке, говорила только с одним из пришедших — пожилым старичком, бывшим профессором в порванной куртке, но с длинным интеллигентским шарфом: он казался милым и вёл себя с ней подчёркнуто обходительно, будто великосветский помещик из позапрошлого века. И только координатор группы Таня, молодая коренастая женщина с сильными руками и громким, чуть хрипловатым голосом, успевала и распоряжаться по кухне, и лить перекисью водорода на чьи-то раны, а потом ловко бинтовать их, и одновременно строго расспрашивать о делах.

Чуть поодаль от раздачи стояла худая грузинка из тех, кто подходили за едой первыми, переминала пальцами кусочки хлебного мякиша, потом быстро клала его в рот, старательно обсасывала, в то же время скатывая руками новый тёплый комочек, и внимательно вглядывалась в волонтеров, а особенно в Таню, будто оценивая её. Она видела, что еда заканчивается, и с неодобрением смотрела на опоздавших, которые подходили, с надеждой спрашивая: “А чая нет?” — а потом с неохотой брали оставшийся пакетик с курицей и гречкой. Волонтеры начинали разъезжаться: кому-то нужно было отвезти оставшуюся посуду, термосы, нерозданные вещи, а кому-то просто хотелось скорее домой. И лишь когда на площадке у вестибюля осталось всего трое — координатор Таня, краснощёкий парень Юра и Мила, девушка в бедном пальто, грузинка всё-таки решилась подойти.

У распотрошённых хозяйственных сумок в беспорядке валялись использованные стаканчики, а Таня, усмехаясь, медленно собирала их в чёрный мусорный пакет. Грузинка проворно схватила её за рукав куртки и стала требовательно трясти, мотая головой в сторону видневшегося через площадь здания вокзала, показывая, что нужно идти туда вместе с ней.

— Я Софико, Софико, — повторяла она с напором, словно это было самым весомым аргументом, чтобы подчиниться ей.

— Идти? Куда? — пыталась выяснить Таня. — Только мне или всем? — Ребята, — обернулась она к Юре и Миле, уже заканчивавшим сборы, — давайте быстренько посмотрим, что тут.

Те вопросительно переглянулись, а потом Юра подхватил сумки, и все они двинулись в переход, ведущий на вокзал.

Софико шла первой, проворно обходя встречных прохожих, иногда ещё останавливалась, оглядываясь, и принималась делать таинственные знаки руками. Трое волонтеров нагоняли её, а она устремлялась вперёд, так что те поневоле опять отставали. Поднялись на другой стороне площади, вошли в светливую теплоту вокзала — приятно запахло из блинной, равнодушно объявили о пребывающем поезде, приходилось то и дело петлять, чтобы не наткнуться на чьи-то тяжёлые сумки, а потом по кафельной лестнице спуститься вниз, в просторный холл перед входом в туалет. Там Софико в последний раз остановилась и выдохнула:

— Здесь. Пять дней лежит, и никто ничего, у неё рак... Только я таблеточки ношу. А она глотает и ей хоть бы что. Я говорю, Нинка, Нинка, терпи, а ей хоть бы что, и никто ничего... — и вытащила из внутреннего кармана чайный пакетик, порванную карточку от метро, упаковку копейного анальгина.

Волонтеры растеряно молчали в ответ.

Таня плохо разбирала речь грузинки, ей хотелось прервать Софико, чтобы спросить что-нибудь конкретное: что это за больная, которая лежит в туалете пять дней, каков точный диагноз, какие документы есть при себе, но только хмурилась, ожидая, когда та закончит. Юра слушал, взволнованно поправляя очки, с неясным ему самому внутренним вдохновением. Он совсем недавно начал ходить к бездомным и всё ещё чувствовал беспечную радость от возможности оказать кому-то помощь. А Мила, первокурсница, полгода назад приехавшая в Москву из маленького городка на юге России, почти не воспринимала слова Софико и только испуганно глядела на них с Таней.

Пока они стояли в холле, туалетная кассирша, грузная женщина в синей униформе, поглядывала на них со злостью, уже догадываясь, зачем те пришли.

— Тридцать рублей вход, — сразу же сказала она громким нервным голосом, немного наклоняя тяжёлую голову вперёд, заранее готовясь встретить сопротивление.

— Мы ищем больную женщину, она лежит здесь, у вас? — подчёркнуто вежливо, но с внутренним напряжением спросила Таня.

— Тридцать рублей, — повторила кассирша. Её саму раздражало присутствие в туалете умирающей бездомной, за которую могли оштрафовать, но полицию она не вызывала, чтобы не быть виноватой в том, что больную выгонят на улицу, и теперь злилась и на неё, и на себя, и на этих холёных молодых людей, не знающих, что такое ежедневное изматывающее сидение на кассе, но словно нарочно пришедших сюда осуждать её.

— Почему вы не хотите, чтобы мы прошли? Мы просто хотим помочь, — вмешался Юра, чувствуя в ожесточении этой женщины слабость и надеясь её уговорить. А Мила только торопливо искала деньги в кошельке — каждая секунда этого разговора казалась ей мучительной, и она готова была всё отдать, лишь бы никто больше не спорил.

Заплатили, вошли. На белых кафельных полах вразнобой лежали обрывки намочшей бумаги, мягкие пластиковые стаканчики. Пахло сигаретным дымом. Через открытую дверь мужского туалета было видно, как в глубине, перед зеркалами, бредет человек в парадном костюме. Ещё несколько секунд

волонтёры растеряно оглядывались, но потом заметили в дальнем углу ноги большой, торчавшие из-за двери.

Женщина лежала неподвижно. От громких голосов она, кажется, проснулась и едва разлепила глаза, но не в силах была долго держать их открытыми. Таня подошла к ней первой и наклонилась, стараясь разглядеть лицо.

— Как вы себя чувствуете? Где болит?

Та шумно вздохнула. Она была одета в засаленную жёлтую кофту, порванные в нескольких местах штаны и закутана в несколько слоёв толстым полиэтиленом, по-видимому, чтобы меньше пахло, — и мелко дрожала — то ли от холода, то ли от болезни.

— Надо подложить что-нибудь под спину, — понял Юра и, опустившись на колени, попытался неловко приподнять Нину за плечи, но промокший полиэтилен всё время выскальзывал из рук.

— Вы можете встать? — ещё раз обратилась к ней Таня, но та только жалобно покачала головой, втягивая губами воздух, и Юра опять положил её на пол, не зная, что же делать дальше.

— Она хочет пить, — вмешалась Софиико, — её здесь не поят совсем, — а потом повернулась назад и метительно взглянула на кассиршу, наблюдавшую за ними, стоя у турникета. Все словно пробудились после её слов: Таня поднялась решительно, а Юра поспешил в холл, где стоял огромный автомат с водой и сладостями. Софиико зачем-то выскочила за ним и внимательно наблюдала, как он покупает бутылку воды, но всё не решаясь о чём-то спросить. А когда проходила обратно, нарочито громко сказала работнице туалета: “Я пройду”, — будто пытаясь показать, что теперь она не просто бесправная бездомная и сила уже на её стороне.

Юра поднёс горлышко бутылки к губам Нины. Та сделала несколько глотков и, кажется, даже благодарно кивнула, но почти сразу же сморщилась и зарычала монотонным утробным гулом. “Как будто в ней бесы”, — подумал Юра. А через несколько секунд та закрыла глаза и задышала теперь уже ровно и глубоко.

Две пожилые женщины, ярко и безвкусно накрашенные, проходившие в этот момент мимо кассы, на секунду остановились рядом.

— Что у вас тут происходит? — требовательно спросила одна, но не для того, чтобы вмешаться, а скорее, просто желая выразить недовольство громким звуком.

Волонтёры неловко замерли на местах, не отвечая. А когда женщины скрылись в дверном проёме, осторожно прикрыли большую дверь и, не стовариваясь, отошли на несколько шагов.

— Социальный патруль? — осторожно предложил Юра.

— Да, патруль будет не лишним, — рассеянно выговорила Таня.

— Самое лучше, конечно, хоспис, — продолжал Юра, ободрённый этим согласием.

— Да, да, — оживилась и Мила. — Давайте в хоспис!

Но Таня больше не отвечала и только ожесточённо стучала костяшками пальцев по ладони другой руки. Она не знала, что делать в такой ситуации, и её тяготило доверчивое внимание, с которым ребята смотрели на неё.

Раньше Таня работала в молодёжном центре при Даниловом монастыре, там была бо́льшая команда ребят с опытом волонтёрской деятельности. Но потом поссорилась с координаторами, и теперь сама организовала такую вот группу кормления на базе маленького храма Феодоровской иконы Божьей Матери при Российском Социальном университете. Ходили туда в основном студенты, как Юра с Милой, — все они уважали её и слушались безоговорочно. Сама же Таня воспринимала всё зло в мире как испытание, которое нужно преодолеть, и потому отчаянно истощала себя: ездила на благотворительные ярмарки, проводила евангельские встречи, каждые выходные помогала бездомными. Но иногда, в самый неподходящий день, её крепкое тело не выдерживало, и тогда она не могла встать с кровати и так и лежала до вечера. И вот теперь ощущала именно такую усталость.

— Если она грузинка, то в хоспис не получится, — сказала медленно, — хотя я не знаю, надо уточнить... — заторопилась, как бы извиняясь за свою слабость.

— Она, наверно, уже давно здесь живёт, — неуверенно возразил Юра, — должно быть гражданство.

Таня машинально кивнула, а потом повернулась к Софико, переминавшейся с ноги на ногу неподалёку:

— У неё есть документы?

При упоминании о документах Софико пожала плечами и недовольно скривила губы, словно у неё требовали её собственные. Тогда Таня вернулась к Нине и, стараясь не вдыхать кислый запах, наклонилась к распухшему лицу:

— Мне нужно посмотреть любой ваш документ, можно?

Нина только зашевелила губами, словно стараясь прожевать, но не открыла глаз. Тогда Таня развернула первый слой полиэтилена. Внизу оказался разрыв, через который можно было просунуть руку и попытаться нащупать в карманах что-нибудь твёрдое. Преодолевая отвращение, Таня присела и погрузила пальцы в мягкую тёплую жижу. Ей почти сразу повезло: в ближайшем кармане брюк обнаружилось что-то твёрдое, наощупь похожее на корочку документа. Вытащила, инстинктивно сделала несколько шагов назад, с трудом разлепила мокрые страницы. И увидела насыщенно-синие праздничные цвета, так непохожие на бледность российского паспорта.

Юра подошёл и из-за плеча стал разглядывать фотографию молодой черноволосой женщины.

— Красивая, — зачем-то сказал он и смутился. — Но это же документ, он действительный! Гораздо хуже ведь было бы, если бы он потерялся... Надо попробовать в хоспис, там за ней хотя бы будут ухаживать...

Таня кивнула, но по-прежнему думала о том, что ничего нельзя сделать.

Тем временем Софико смотрела на них сердито. Приходившие на вокзал волонтеры, а особенно их старшая — Таня, раньше казались ей важными людьми, и она надеялась, что они быстро со всем разберутся и всех накажут. А теперь была разочарована их растерянностью.

— Нинка хотела умереть дома, в Тианети, — ожесточённо заметила она, будто споря с кем-то.

— У неё там родственники? — удивилась Таня. — Они могут её принять?

— Откуда я знаю?! — ответила грузинка с неожиданной обидой. А потом отвернулась, села на корточки и, опершись спиной на стену, с наивной картинностью закрыла лицо руками. Ей было и жаль Нину, и грустно за себя, и досадно, что она потащила сюда с этими людьми и только подставилась перед кассиршей без толку.

— В Грузии, наверно, климат лучше, там можно дольше прожить, — заметил Юра, стараясь сгладить неловкий момент, но Софико продолжала сидеть, держа руки перед глазами. Все опять замолчали. Юра некстати вспомнил, что сегодня хотел сходить на вечернюю службу в церковь.

В этот момент у входа всхлинула Мила. Она не отдавала себе отчёта в том, что плачет, просто стояла, а из глаз текли слёзы. Не понимая до конца, о чём спорят Таня и Юра и что за проблема с паспортом, она всё это время думала только о том, что эта неизлечимо больная женщина скоро умрёт, и от этой определённости ей становилось невыносимо тоскливо.

Юра увидел её слёзы, вздохнул и улыбнулся:

— Ну вот, теперь у нас у всех глаза на мокром месте...

Подошёл к Миле, ласково взял её за плечи.

— Глупышка, всё образуется, ведь затем мы и здесь, — заговорил он с ней, как с ребёнком.

Для Юры, действительно, всё было просто — любого человека вёл по жизни Божий промысел, и нужно было только захотеть следовать ему, чтобы всё стало хорошо. И так приятно было сказать это ей, и видеть, как Мила доверчиво наклоняется к его плечу, и чувствовать себя сильным и мудрым.

Таня стояла неподвижно, оглядывая всех, и от общего смятения к ней постепенно стало возвращаться её обычное самообладание. Не объясняя ничего, она вышла в холл и набрала номер телефона социального патруля. Не отвечали, она звонила ещё и ещё. Наконец, услышала ровный безраз-

личный мужской голос и стала говорить резко и даже зло. Она знала, как устроена эта служба, что у них только две машины на всю Москву и они с большой неохотой принимают вызовы, а потом имеют право приехать только через сутки. Ей было важно убедить диспетчера, что эта бездомная никуда не уйдёт с вокзала, а ещё что ею занимается церковная организация, которая в случае чего не оставит халатность безнаказанной.

Она вернулась, воодушевлённая и собранная.

— Юра, езжай в храм, — выговорила спокойно и строго. — Узнай у матушки, кажется, у неё был телефон Лизы Тусиевой, такая маленькая чёрненькая девочка, помнишь? Иногда ходила с нами, кажется, она из Тбилиси, позвони, спроси, есть ли там знакомые, которые могут чем-то помочь, может, поискать родственников...

Остановилась, обдумывая что-то.

— Мил, тебе придётся подождать здесь. Соцпатруль едет несколько часов, но вдруг повезёт, и он появится раньше. Если что, они обязаны отвезти её в приёмник и оказать первую помощь. А я схожу к дежурному по вокзалу, может, там помогут, хотя не знаю... У вас нет сейчас других дел? Вы согласны?

Юра кивнул, а Мила подняла покрасневшие глаза и шмыгнула носом.

Всё было вроде бы понятно, но они ещё минуту не двигались, будто оставалось что-то важное, что им необходимо было сделать. И все даже помнили, что именно: они всегда молились перед любым серьёзным делом, Таня особенно настаивала на этом. Но сейчас ни у кого не хватало духа начать или хотя бы сказать о молитве вслух. Немного постояли, потом рассеянно кивнули друг другу и разошлись.

Оставшись одна, Мила совсем растерялась. Она хотела выйти и ждать в холле, убеждая себя, что так лучше, чтобы не ссориться с кассиршей, — всё равно ведь придётся выходить встречать патруль. Но потом ей стало стыдно перед Софиико, оставшейся рядом с больной. “Я совсем не думаю об этой бедной женщине, только о себе, — вдруг подумала она, — как же это ужасно...”

Она почти силой заставила себя посмотреть в лицо Нины. Глубокие чёрные впадины закрытых глаз, гнойная короста на месте рта. Это было так безобразно и жалко, что хотелось зажмуриться.

— Вот, оботрись, посуше будешь, — услышала она голос Софиико, протягивающей ей зелёный засаленный платок. Мила неловко улыбнулась, взяла и осторожно дотронулась платком до лица, ощущая грязное прикосновение, а потом неловко держала его в руках.

— Почему она заболела? — спросила шепотом.

— Да откуда я знаю, — махнула рукой Софиико и невесело усмехнулась. — Продавала розы в переходе. Прошлой весной пропала, киоск закрыли, а недавно появилась. Деньги-то закончились, видно, лечиться... Говорила, кому-то её заняли, в подвале жила, здесь, рядом... Уехать хотела, да вот — не судьба.

Несколько подростков с шумом ввалились через турникет, а потом ещё долго перекрикивались в туалете, так что Миле слышен был их грубый нахрапистый смех. Коренастый мужчина тащил тяжёлую, шаркающую по полу сумку и равнодушно косился на лежавшую на полу больную.

— Хорошая была женщина, — нараспев продолжала Софиико, глядя перед собой. — Помню, поила кипяточком, специально чайник держала для меня, мы же с ней землячки, я из Ахалсопели... Помогала, не жадная была... Пятьдесят рублей мне как-то дала, вот так просто взяла и дала, — сказала она и со скрытой надеждой взглянула на Милу. — А мне, знаешь, тоже ведь хотелось ей приятное сделать, я встану возле киоска и зову: “Подходите, подходите, свежие цветы!” — а она: “Уходи, дура!” Гоняла меня, конечно, как без этого. Все нас гоняют... А теперь вот заживо гниёт, — добавила грустно, но будто какое-то удовольствие было для неё в жестокости этих слов, в том, что они были правдой.

Из холла раздался шуршащий звук кофе-машины, в ответ ему зашелестела в трубе вода, а потом опять стало тихо. Так просидели ещё несколько минут. Вдруг обе очнулись, как от толчка, и увидели, что по лицу Нины текут тяжёлые крупные слёзы. Софико наклонилась к ней, и та застонала. Звука почти не было, и только свистящий воздух выходил изо рта, усиливаясь с каждым выдохом.

— Таблеточку надо, неси воду, — заторопилась Софико, размахисто хлопая себя по карманам куртки, пытаясь найти затерявшуюся упаковку анальгина. — Кружку, кружку у этой спроси, — прикрикнула, видя растерянность Милы и показывая в сторону кассы.

Кассирша же глядела на них в приоткрытую дверь своей белой будки и не двигалась, не решив ещё, как поступить. Общее смятение захватило и её, но внутреннее упорство не давало сделать шаг навстречу.

— Да что ты за человек такой, ведь давала же когда-то, — закричала в сердцах Софико. — Разберутся сейчас, увезут её, — и та сердито завозилась у себя в столе, а потом протянула Миле кружку.

Мила побежала к раковине, торопливо стала наливать воду. Но кружка уже была полная, а она всё ещё продолжала стоять. Ей страшно не хотелось выходить к большой стонущей женщине, она шагнула к двери через силу, протянула Софико воду, стараясь не глядеть, как она даёт Нине таблетку, а та запрокидывает голову. Стоять рядом было невыносимо и, не думая ни о чём, просто чтобы сделать что-нибудь, Мила принялась набирать Танин номер. Но не попадала дрожащими пальцами по клавишам — казалось, даже телефон теперь вибрировал болью.

— Ей плохо, совсем плохо, — выдохнула она в трубку.

— Вызову “скорую”, беги на обычное место, встречай, — услышала она твёрдый голос Тани.

Мила опустила телефон.

— Мне надо, — виновато пробормотала она и, не оборачиваясь, выско-чила из туалета. А потом бежала по длинным просторным коридорам, спускалась куда-то вниз, плутала в переходе между кассами, и ей всё казалось, что пока она торопится изо всех сил, Нине не так больно, а оттого и самой Миле было не так стыдно за свой побег.

Неожиданно она оказалась там, где и должна была, — на знакомой площадке у метро, на которой всего час назад кормили бездомных. Мила остановилась, оглядывая это привычное оживлённое место, только теперь никто здесь не обращал на неё внимания, никто заискивающе не заглядывал в глаза и не благодарил. Неподаляку у обжитого бездомными закутка справа от вокзальных дверей столпилось несколько человек, кто-то лежал, двое мужчин лениво дрались и кричали. Черноволосый парень в порванной куртке, то ли бездомный, то ли просто пьяный, заливал в горло бутылку пива.

Она была здесь чужой и потому не могла больше чувствовать себя в безопасности — ей хотелось убежать, спрятаться и никогда не приходить сюда, отдать всё, что у неё есть, навсегда исполнить свой долг и не видеть больше этой боли и грязи. Она боялась только, что скажет Таня и как потом будет невыносимо неловко перед ней за своё малодушие. И когда появилась запыхавшаяся Таня и начала что-то недовольно рассказывать про дежурных на вокзале, а затем заспешила к машине “скорой помощи”, остановившейся вдалеке, у киоска с сигаретами, Мила всё не могла справиться со своим смятением и только кивала, не слушая, и машинально шагала за подругой...

Врач оказался совсем молодым парнем. Он деловито кивнул красивой черноволосой медсестре, с трудом вытаскивающей из машины медицинскую сумку, взглянул на подошедших девушек, как будто по одному их виду понял, что “скорую” вызвали именно они, и двинулся к вокзалу.

— Вы знаете, что здесь есть медпункт? — спросил он с напором, когда они с Таней вместе входили внутрь.

— Мы видели указатель, но не были там.

— Я вас не спрашиваю, были вы там или нет, я спрашиваю, вы знаете, что “скорую” на вокзал вызывают из медпункта? — повторил он недовольно.

— Простите, больная не смогла дойти туда, — ответила Таня, мгновенно пугаясь своей едкости, которая могла сейчас только повредить.

— Девушка, ну, вы же понимаете, у нас много вызовов, — вмешалась шедшая сзади медсестра, стараясь сгладить острый момент.

Они с врачом вошли в туалет быстро, как хозяева, так что и кассирша, и Софико неподвижно встали у стены, ничего не говоря и только наблюдая за их решительными действиями. Врач подошёл к Нине, присел на корточки и недовольно оглянулся.

— Что у неё? Какой диагноз?

— Нам сообщили, что рак, — ответила Таня, но получилось по-прежнему едко.

— Рак чего?

— Я не знаю.

— А что вы тогда мне предлагаете? Полис давайте.

— Полиса нет, она гражданка Грузии. Но вы всё равно обязаны оказать помощь, — сказала Таня и опять почувствовала тяжёлое бессилие внутри.

Врач коротко усмехнулся. Он не ощущал брезгливости, спокойно прощупал пульс больной, наклонил голову, чтобы она не проглотила язык и не задохнулась. Но он привык всегда руководствоваться рациональностью, считая, что эмоции в их профессии могут только помешать. И теперь он понимал, что в больнице, куда была прикреплена его бригада, сейчас мало мест, а в онкологическое отделение её просто не возьмут, и потому не имело смысла держать в общей палате умирающую от рака бездомную, когда вместо этого можно было помочь кому-то другому.

— Мы сейчас сделаем укол, — сказал, немного подумав, — ей станет легче.

— Просто укол? — переспросила Таня. — Но через несколько часов опять случится приступ, и что тогда? Нужно госпитализировать.

Тот лишь пожал плечами.

— Кетонал, — кивнул медсестре.

— Поймите, у нас десятки вызовов, нас ждут люди, которым мы можем по-настоящему помочь, — ещё раз мягко обратилась та к Тане.

— А от таких сердобольных только увеличивается смертность, — продолжал врач, чувствуя её поддержку.

— Вы обязаны взять, — не сдавалась Таня, но уже без силы в словах.

— Я журналистка, я про вас напишу, — вмешалась Мила с отчаянной и наивной решительностью — так, закрыв глаза, бросаются в пропасть, но Тане сразу же стало ясно, что нет, не подействует.

— Да пишите, сколько угодно! — рявкнул врач, а медсестра ласково положила руки ему на плечи, стараясь успокоить.

— Это ваша работа, а это наша...

Таня хотела ещё что-то сказать, использовать, может, последний шанс, чтобы повлиять на ситуацию, и шагнула к врачу, хотя даже не придумала нужных слов. Но в этот момент случайно взглянула на Нину и увидела, что глаза её открыты, а взгляд осмыслен, и ей показалось, что та всё видит и понимает. Они секунду глядели друг на друга.

Таня выпрямилась, сказала: “Хорошо, делайте укол и уезжайте”, — потом медленно и даже гордо двинулась прочь. А когда завернула за угол, побежала по вокзальным коридорам, ощущая, что скорее умрёт, чем остановится. Вылетела на площадку перед метро, всей грудью глотнула горький уличный воздух и подскочила к машине. Увидела простодушное азиатское лицо водителя.

— Какой номер бригады? А как врача зовут? — и стремительно бросилась обратно.

Когда она опять оказалась в холле, Мила растерянно стояла у кассы вместе с Софико, а врач и медсестра шли к выходу. Таня встала перед ними, загородив турникет, и, стараясь побороть отдышку, отчётливо, почти по словам выговорила:

— Александр Павлович, я позвонила на горячую линию министерства здравоохранения, описала ситуацию и сообщила номер подстанции и вашей

бригады — двести четырнадцать. Если вы не заберёте эту женщину в больницу, я вас в покое не оставлю.

Они смотрели друг на друга, не отводя ожесточённых взглядов, а врач всё сильнее морщился, как от зубной боли. Но вот, наконец, зло усмехнулся и покачал головой:

— Что вы за люди, где вас таких берут... Давайте, молодцы, сделали своё дело, — обернулся к медсестре, бросил: — Позвони Нурлану, скажи, чтобы тащил носилки. Пусть в приёмном разбираются... — а потом отошёл в холл и встал, опершись на стену и прикрыв глаза.

Неловко переключивали Нину на носилки, стараясь меньше дотрагиваться до полиэтиленового мешка, Таня смотрела на это, ещё не веря в то, что всё получилось, и по-прежнему чувствуя бьющуюся внутри злость.

— В какую больницу вы её повезёте? — спросила, стараясь сдерживать дрожь в голосе.

— В 56-ю городскую, — устало ответил ей врач.

Он взялся за носилки спереди, а шофёр сзади, и понесли, с трудом проходя через турникет, застревая в нём, ругаясь. Мила стояла у стены. Ей было невероятно грустно, и тогда она коротко перекрестила больную, пытаясь подбодрить то ли её, то ли себя, но в следующий же момент смутилась своего картинного жеста и опустила руку.

Шли по вокзальным коридорам — медсестра впереди, освобождая дорогу, а Таня, Мила и Софико следом. Оказались на улице, врач и водитель медленно и осторожно погружали носилки в машину. Врач, не обернувшись, залез в кабину, медсестра попрощалась с холодной вежливостью. Таня и Мила ждали, когда закроются двери, когда заведётся мотор, а Софико стояла чуть поодаль, боясь подойти. Когда же машина уехала, Мила обернулась к ней, отрывисто кивнула, и они с Таней двинулись в сторону подземного перехода.

Софико осталась одна, будто забытая кем-то на этом шумном вокзале, переминаясь с ноги на ногу, шепча про пятьдесят рублей и вздыхая от своего внезапного одиночества. Ей хотелось плакать даже сильнее, чем когда она сидела возле умирающей Нины. “Эх, вот и уехала Нинка”, — неловко взмахнула она рукой и попыталась улыбнуться.

А тем временем Таня и Мила шли по краю широкой привокзальной площади, а вокруг стояли, сидели или рвались навстречу множество людей. Немолодой мужчина в толпе монотонно звал на автобус до Ростова. Женщина в кашпошне, почти закрывающем лицо, раздавала листовки у спуска в подземный переход, у неё под ногами ёрзал маленький ребёнок, и она иногда рывкала на него, чтобы стоял смирно. Рядом безногая просила милостыню. Ещё ниже по лестнице сидели двое бездомных, а один с наслаждением курил, откинувшись на грязную стену перехода. Они спускались вниз, и с новой силой хлынули им в глаза лица, лица... А когда вышли на той стороне площади, увидели на пятачке большую стаю голубей, теснившихся вокруг крошечной мусорной урны. Громко звякнул проходящий трамвай, голуби мгновенно взлетели, и весь воздух наполнился торопливым хлопанием крыльев...

В маленькой квартирке, где девушки снимали комнату на двоих, было пусто, и, войдя, они обрадовались этому, потому что не хотелось ничего сейчас рассказывать соседкам. Пока они шли от метро, на улице начался холодный скупой дождь, и теперь они молча снимали одежду, чтобы развесить на батареях. Таня налила воды в чайник, и он неожиданно громко зашумел, так что Мила вздрогнула.

— Надо будет разобраться с правилами помещения иностранца в хоспис, в больнице её продержат максимум до понедельника, — задумчиво сказала Таня, как бы для себя.

Мила кивнула, но ей стало стыдно оттого, что она даже не подумала, что нужно что-то ещё делать, будто на том, что больную увезла “скорая”, всё и закончилось.

— Знаешь, я поняла сегодня, что совсем не люблю людей, никого, — призналась она. — И эта Нина, мне так жаль её, но боюсь, что я и её не люблю...

— Давай помолимся, — спокойно ответила Тانيا.

Они встали перед большой иконой Богородицы, скотчем прикреплённой к стене возле окна. Миле хотелось быстрее начать произносить молитву, чтобы древние слова захватили её, наполнили успокаивающим размеренным движением, но Тانيا будто нарочно молчала, позволяя прийти самым мучительным мыслям. Она всегда делала всё самым тяжёлым способом, не давая поблажки ни себе, ни другим. А потом долго ещё шумел и трясся чайник, и они не могли начать раньше, чем он окончательно закипит.

Наконец, щёлкнуло и стало тихо. В этот момент в напряжённой тишине резко зазвонил телефон. Мила с выдохом опустила на стул.

— Юра, — многозначительно кивнула Тانيا и сразу отметила про себя, какой взволнованный у него был голос.

— Тانيا, Тانيا, привет! Я нашёл ту самую Лизу Тусиеву, ты слышишь меня, слышишь? — торопливо переспрашивал Юра. — Оказалось, у неё есть знакомые в социальной службе при Грузинской Церкви, они согласны принять эту женщину и ухаживать за ней...

— Удивительно, — неловко пожала плечами Тانيا, и мгновенно завертелась в голове мысли. — Подожди, а как её перевезти? Кто-то же должен её сопроводить?

— Реаниматолог, — ответил Юра, не скрывая беззаботного удовольствия от того, что знает профессию, о которой Тانيا, возможно, не слышала. — Есть, оказывается, специальные службы, которые этим занимаются. Рядом мой хороший друг, я рассказал ему эту историю, мы позвонили ещё двум ребятам и вместе собрали деньги.

Он старался говорить медленно, но иногда получалось взхлёб от радости, что всё получилось, конечно, всё должно было чудесным образом получиться, а они не верили. Мила тоже слышала громкий Юрин голос из трубки, кажется, он ехал в метро и пытался перекричать шум поезда, и ей было немного обидно, что она так много пережила за этот день и ничего по сути не сделала, а ему всё это так легко удалось.

— Сейчас я еду в аэропорт договариваться о рейсе, — продолжал Юра, но его слова потерялись в отрывистом резком гуле. — ...реаниматолог может вылететь с ней прямо завтра...

— Юра, ты молодец, — устало выговорила Тانيا и улыбнулась.

Она положила телефон, и девушки радостно и молча обнялись.

Миле вдруг стало так беззаботно, что захотелось прыгать по комнате, петь, танцевать. Но она постаралась вести себя сдержанно, неосознанно подражая Тание.

— Надо позвонить в больницу, — сказала серьёзно, — чтобы её предупредили, обрадовали.

Тانيا кивнула, стала искать в интернете точный номер больницы. А когда звонила, ещё не пришла в себя от оживления, и потому заговорила весёлым торжественным голосом, будто хотела поздравить кого-то с праздником.

— Здравствуйте, это приёмный покой? К вам сегодня должна была поступить женщина, Нина Марцваладзе... да, которая из Грузии... Мы хотели предупредить вас, что скоро... наверно, даже завтра, заберём её на Родину. Пусть продержится, потерпит еще сутки!

На том конце Тانيا почувствовала недоумение. А потом глубокий мужской голос медленно спросил её:

— Вы откуда, девушка? Где вы работаете?

— Я соцработник при храме, — машинально ответила она. — Занимаюсь бездомными...

— Не тратьесь на билеты, женщина скончалась.

“Скончалась”, — растеряно повторила Тانيا, сжимая в руках трубку.

Они с Милой посмотрели друг на друга, не зная, что теперь говорить. У Тани подкатила к горлу злость на больницу, на того врача из “скорой”, но ожесточённые мысли просто текли, не вызывая никаких чувств. Миле же стало так одиноко и показалось, что теперь уже никогда больше нельзя быть весёлой, нельзя беззаботно ходить в университет, разговаривать там с друзьями, заниматься своими обычными делами, будто ничего не случилось...

— Надо позвонить Юре, — тихо сказала она.

— Да, да, — заторопилась Таня, оживляясь от необходимости что-то сделать.

— Всё, Юр, она умерла, можно расслабиться, — выговорила в трубку, не дожидаясь Юриных вопросов, и сразу же подумала: “Господи, что за нелепая фраза, как так “расслабиться”...”

Юра секунду молчал, а потом твёрдо и даже слишком спокойно ответил:

— Значит, так должно быть, Тань... Как бы это ни было страшно.

Таня положила трубку и молча сидела, глядя перед собой. Монотонно стучал по карнизу дождь, разрывая тишину. В окне, как в кривом зеркале, отражался огромный, горящий огнями город, изуродованный дождевой рябью. Она смотрела в окно и никак не могла согласиться со словами Юры, думала, что он ещё слишком молод и просто не воспринимает весь ужас случившегося и что на самом деле нет никакого смысла в боли и одиночестве бедной женщины. Потом стала корить себя, что не помолилась перед тем, как пойти к администратору, что до конца не верила в то, что всё получится и что это она во всём виновата...

А через минуту увидела, что Мила закрыла лицо руками, и подседа рядом, обняла — было легче оттого, что Мила может сейчас заплакать и что кому-то нужны ещё её крепость и самообладание. Мила же сидела с сухими глазами, не думая ни о чём, просто прижимаясь к Тане, чтобы чувствовать чужое тепло. Медленно текли минуты, и постепенно внутри и правда что-то ослабло.

Конечно, девушки не могли знать, что в свои последние часы на вокзале Нина почти не испытывала боли. Она лежала в забытии, ощущая только холод, как когда-то зимним утром в Тианети на похоронах мужа. Они тогда стояли с дочерью Марией, глядя, как в запорошенную снегом могилу опускают гроб, и Нина плакала не столько о муже, сколько о том, как же им с дочерью жить дальше. И сегодня на вокзале ей всё казалось, что она по-прежнему стоит там, и до сих пор длится одно только это мгновение. А когда пробуждалась и слышала, что странные молодые люди собираются везти её в Грузию, то радовалась, но в то же время хотела изо всех сил сказать им, что не просто в Грузию, а именно в Тианети, на старое кладбище на берегу Иори, дожидаться лета, увидеть могилу мужа в цветах и постоять рядом, слушая их негромкий шелест...

В те часы на вокзале Нина уже не помнила свою дальнейшую жизнь — как поехала в Москву на заработки, чтобы содержать дочь, оставив её в доме у сестры, как ей сообщили, что Мария заболела, и как не было денег на билеты. И только когда русский врач наклонился над ней, Нину пронзила лихорадочная мысль, что укол нужно делать не ей, а Маше, но в следующее же мгновение она опять провалилась в зыбкое тупое ожидание.

Последние пять лет после смерти дочери она жила в Москве, уже не зная, зачем ей этот чужой город, зачем работа и деньги, привыкнув к размеренной тяжёлой жизни и не решаясь что-то изменить. Но даже в эти годы Нина иногда бывала счастлива. Это случалось по утрам, когда ещё только светало, и она стояла в переходе у входа в метро, открывая большие железные щиты своего киоска. Сердце её вдруг сжималось неясной радостью, и она начинала весело брызгать водой в сонные лица цветов, протирать разлапистые листья. В такой день всё спорилось у неё, клиенты попадались приветливые и щедрые, торговля шла бойко. А вечером она выходила из перехода на улицу и шла, глядя в мутное московское небо, и ей отчего-то казалось, что всё не зря и что её боль сохранилась где-то внутри, под мёртвой коркой, но уже не как боль, а как самое дорогое, что было на свете и что теперь навсегда останется с ней...

Последний раз она пришла в себя, когда её уже подняли на носилки, и увидела перед собой девушку в синей медицинской куртке, так похожую на её Марию, и подумала, что та выросла и приехала к ней в Москву. Нина улыбнулась ей, та взглянула тревожно, пошла сначала рядом с носилками, а потом обогнала. Тогда другая девушка, оставшаяся стоять у стены, маленькой, чуть сжатой ладошкой перекрестила их на прощанье, и Нине стало тепло, и боль исчезла навсегда.